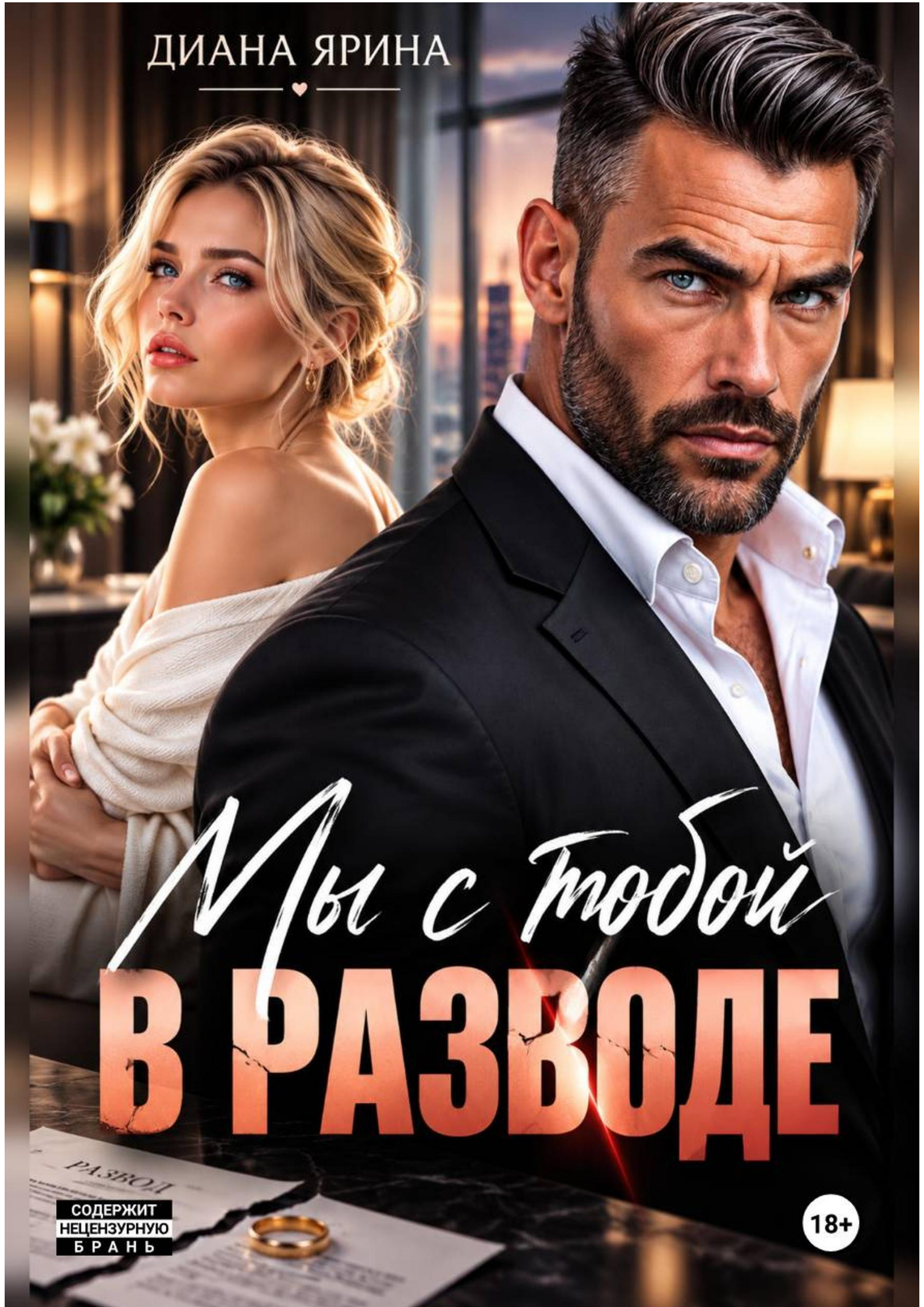

ДИАНА ЯРИНА
Мы с тобой
В РАЗВОДЕ
РАЗВОД
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Диана Ярина

Мы с тобой в разводе

«Автор»
2026

Ярина Д.

Мы с тобой в разводе / Д. Ярина — «Автор», 2026

Заглянув в кабинет мужа поздним вечером, я увидела перед ним брюнетку без одежды.Ссора.Скандал.Развод.Спустя пять лет мы встретились вновь.Он стал успешным миллионером, а я так и осталась в провинции.Нас больше ничего не связывает.И, когда он начинает предъявлять претензии, я напоминаю ему:
— Мы с тобой в разводе.

© Ярина Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Диана Ярина
Мы с тобой в разводе

— Домашняя клуша орлицей не станет, — с насмешкой говорит женский голос.— Твоя жена не вытягивает. Ты же это понимаешь?

— Допустим, — соглашается мой муж. — И что ты предлагаешь?

— Себя. Возьми меня, я вся — твоя.

Сердце замирает в груди.

Заглянув в кабинет мужа поздним вечером, я увидела перед ним брюнетку без трусов.

Ссора.

Скандал.

Развод.

***

Спустя пять лет мы встретились вновь.

Он стал успешным миллионером, а я так и осталась в провинции.

Нас больше ничего не связывает.

И, когда он начинает предъявлять претензии, я напоминаю ему:

— Мы с тобой в разводе.

Глава 1

— Домашняя клуша орлицей не станет, — с насмешкой произнес женский голос. — Егор, жена тебя позорит!

Я застыла без движения у двери.

Во-первых, речь шла обо мне.

Во-вторых, голос говорящей был мне знаком.

Только подобные язвительные интонации с нотками превосходства я впервые слышала в голосе Софии.

София, Соня, Сонечка…

Хорошая девочка, дочь близких друзей моего мужа.

София работает на фирме Егора, она вхожа в наш дом и всегда тепло меня обнимала, даже говорила, что я заменила ей маму…

А теперь…

Я слышу эти слова из ее уст и не могу пошевелиться.

Ощущение, что я попала в чей-то кошмар, это не может быть реальностью!

— Сонь, ну, хватит, — вздыхает мой муж.

Еще один удар — прямиком в самое сердце.

Я думала, он ее резко осадит и прикажет держать язык за зубами, поставит на место, а все, что он сказал, это ласково пожурил с усталым вздохом.

— Прости, Егор, но твоя жена выглядела... ммм.. мягко говоря, не очень. Это несуразное платье, прическа с косой. Прошлый век! — продолжает говорить София.

В ее словах яд тесно переплетается с сарказмом.

— Ты слышал, как о ней шептались твои партнеры? Тебя высмеяли за такую клушу колхозную! У нас на носу большая сделка, ты нацелился на работу со столицей… И как ты себе представляешь очередной прием… с вот этой?! Она словно баба на чайнике! Ей и стилист не поможет…

— Я устал, Сонь. Давай тему сменим?

— Твоя жена не вытягивает. Ты же это понимаешь? — не унимается, дрянь такая.

Ей двадцать семь лет.

Она вот уже девять лет вхожа в нашу семью.

Родители Сони попали в чудовищную автомобильную аварию, мама Сони скончалась на месте, отец протянул дольше, промучился на больничной койке два с лишним месяца и отдал богу душу. Успел перед смертью попросить Егора присмотреть за Сонечкой, его солнышком, и Егор клятвенно пообещал сделать это.

Егор — мужчина, который не бросает слов на ветер.

Сказал — сделал.

Соня нам почти как член семьи, она же…

Боже, я до сих пор помню, как она рыдала у меня в объятьях, как солила слезами мое домашнее платье. Я помню, как ночью вставала и тихонечко проверяла, спит ли она, не сделала ли с собой что-нибудь ужасное?..

Я поддерживала ее во всем. Мой муж — тоже.

Егор устроил ее на хорошую должность, она показала себя с лучшей стороны и сейчас трудится во главе финансового отдела фирмы.

Рекордно быстрый карьерный взлет для такого молодого специалиста! Но Егор был Соней доволен, а я… я считала ее… *нашей*.

Господи, как больно и как… противно, что она оказалась двуличной гадюкой.

В глаза хвалила мои золотистые волосы, длиной до самой попы, трогала их пальцами, и восторгалась моей прической.

Но за глаза обливает меня грязью, высмеивает!

А что за интонации в ее голосе, когда она обращается к моему мужу?

Таким тоном не разговаривают ни с друзьями, ни с боссом.

Таким тоном флиртуют и… намекают на интим, кокетничают.

Что же там творится, за этой дверью?

Я сжимаю в руках свои лодочки.

Приехала поздравить мужа с заключением сделки, хотела сделать ему сюрприз.

Такой, на который с трудом решилась. На мне пальто и чулки, откровенный комплект белья.

Больше ничего.

Муж как-то сказал, что наш секс стал уютным и предсказуемым, как любимое местечко, продавленное на диване с годами.

Я хотела… попробовать риск на вкус.

Решила добавить остринки в наше интимное меню.

Вот и добавила!

Прилетела, развратно одетая, под этим пальто, но столкнулась с чудовищным предательством.

Наелась дегтя от души, он вязнет в горле, горчит…

— Допустим, — соглашается мой муж. — И что ты предлагаешь, Сонь?

Слышится звуки.

Сначала это шорох, потом — перестук каблучков, снова шорохи.

И ее голос — томный, развязный, как у проститутки, готовой обслужить любой, самый грязный запрос клиента:

— Себя.

Перед глазами темнеет, я едва дышу.

— Я предлагаю себя! — повторяет Соня с вызовом и продолжает. — Возьми меня, я вся — твоя.

Сердце замирает в груди.

— Сонь…

— Молчи. Ничего не говори. Просто смотри… Смотри на меня, как сильно я тебя хочу…

Она дышит часто и глубоко, с таким придыханием, как будто вот-вот начнет стонать, в голос.

Я понимаю, что там, за дверью кабинета, происходит нечто пошлое и развратное.

Понимаю, что там сейчас — мужчина, который больше не может считаться моим любимым, и женщина, подлая, двуличная сука, которую я больше не назову «нашей девочкой».

Она — тварь, я пригрела змею на груди!

Соня обозвала меня колхозной клушей.

Слезы брызнули из глаз, но я не позволила этим слезам взять над собой верх.

Да, я родом из небольшого села, деревенщина по происхождению, не голубых кровей, совсем нет.

И сейчас я, не раздумывая, поступила, как девушка из села, которая рано лишилась родителей и стала самой старшей в семье, которая была вынуждена отстаивать свое — силой. Я помню, как после похорон родителей, в наш дом залез приятель отца. По его словам, отец при жизни ему задолжал, и тот решил стрясти должок, стащить телевизор. Я схватила утюг и, не раздумывая, бросилась вперед…

Жар в груди, никакого страха, только цель — защитить свое!

Сейчас меня вдруг накрывает тем же самым праведным гневом и злостью.

Не думая, что творю, я распахиваю дверь и забегаю.

Сцена отпечатывается у меня на сетчатке.

Мой муж, Егор, расслабленно развалился на кожаном диванчике. У него расслабленная поза мужчины-победителя, довольного своей жизнью.

Рубашка расстегнута, в руке — бокал с выпивкой, волосы немного в беспорядке.

Перед ним, на кресле восседает она — Соня.

Приподняв попку, она стягивает с себя красные, тонкие трусики и бросает их в сторону, потом медленно и широко-широко расставляет ноги, бесстыже показывая себя.

Юбка закатывается до самой талии, одна рука Сони ползет вниз.

Егор прикрывает глаза, на губах — усмешка.

— Это все, что ты можешь предложить?

Соня подносит пальцы ко рту, облизывает их старательно:

— Я могу больше.

— Тварь!

Прошипев всего одно слово, я бросаюсь на нее.

Вздрогнув, Соня оборачивается, сжимается в комочек.

Ее поза — как будто защищающаяся — так видится со стороны Егора.

Но в глазах маленькой, подлой твари я вижу торжествующий блеск.

Она рада, что я это увидела.

Не планировала, это понятно по досаде, мелькнувшей на ее лице, но…

Но все-таки она довольна — собой и тем, как все сложилось.

Она рада, что я все увидела, что не надо ни домысливать, ни тянуть резину.

— Ли-ля? — удивленно бормочет Егор.

Он с грохотом опускает бокал на подлокотник.

Словно в замедленной съемке, янтарные брызги взлетают вверх и падают вниз.

Но это — лишь миг, в калейдоскопе событий, которые быстро-быстро сменяют друг-друга.

— Лиля, стойте, я… — пищит Соня. — Аааа!

Она прикрывает голову руками. В мою сторону бросается Егор. Я швыряю в него одной лодочкой, а вторую перехватываю поудобнее.

— Егоооор! Егор, спаси!

Мужу приходится увернуться, иначе бы острый каблук распорол ему лицо.

А вот подлой твари повезло намного меньше.

Подлетев к ней, я ударила ее кулаком по уху левой рукой.

Я — левша, с детства привыкшая к физической работе, и удар выходит сильный.

Соня пошатнулась и клонится вбок, воя.

Но этого мне показалось мало. Я вцепилась в ее темные волосы и дернула вниз, потащив тварюшку по полу за собой.

Она орет, как резаная, но ничего поделать не может.

Лишь закрывает лицо руками, а я бью… бью второй лодочкой по этим загребущим рукам.

— Довольно! Лиля! ХВАТИТ!

Егор оттаскивает меня и встряхивает.

Я встаю, он толкает меня на диван и орет.

— СЕЛА! Успокоилась, млин! Ты что здесь устроила?!

— Егоооор… Егор, любимый… Я… Мне больно, у меня кровь… У меня кровь, и глаз… Мой глаз, я ничего не вижу… — воет на полу Соня.

Муж смотрит на нее — поверженную и жалкую, трясущуюся.

— У нее руки в крови. Ты…

Егор переводит взгляд на меня, морщится.

— Ты что наделала, Лиля?

Наклонившись ко мне, он стискивает длинным пальцами мои щеки:

— Молись, чтобы не было серьезных повреждений. И сиди здесь. Тихо. Как мышь. Ты меня поняла?!

Я молчу, смотрю на него с ненавистью.

— Пикнешь или тронешься с места — пожалеешь.

Отпустив меня, Егор бросается к Соне.

Мне противно наблюдать, как он подхватывает ее на руки, как он льнет к нему, к его широкой груди.

Последнее, что я вижу, это как Егор трепетно одергивает ее юбку вниз, чтобы Соня не светила голой задницей и вагиной.

Даже сейчас он заботится о ней, а потом меня тошнит.

Сильно и обильно тошнит на пол.

Прямиком на красные трусики Сони.

Меня рвет, до желчи, а потом я смеюсь, до хрипоты — потому что на мне тоже было красное белье.

Но Егор теперь ЭТОГО НИ-КОГ-ДА не узнает.

Глава 2

— Мама, это, что, правда?!

Дочь Ариша сидит перед камерой телефона и красится, собирается куда-то.

Ей двадцать два, она недавно закончила универ. Моя взрослая и самостоятельная девочка…

Никак не могу привыкнуть, что она выросла такой — грациозной, большеглазой красавицей, умом пошла в отца и работает на фирме с очень хорошей репутацией.

Ответить я не успела, Ариша тычет пальчиком в экран.

— Добавлю Сему, — говорит она. — А то он тоже названивает и спрашивает у меня, а я даже не знаю, что ему ответить…

— Ладно, Сему — так Сему.

Ариша и Сема — наши двойняшки.

Когда мне сказали, что у меня будет двойня, я не поверила, думала, узистка ошиблась. Потому что ни у меня, ни у Егора не было среди близких родственников ни близняшек, ни двойняшек. А нам повезло… Или, как считали наши родственники, повезло не очень: потому что двойняшки давали жару. Висели на моей груди до двух с половиной лет, плохо спали, реагировали рвотой фонтаном на каждый новый вкус в прикорме… Когда у них лезли зубы, на стенку лезли сначала мы с Егором, потом я лезла уже в одиночку. В то время муж частенько оставался ночевать на работе, потому что не мог высыпаться…

Словом, первые три года были кошмарными, а потом стало полегче.

Ариша и Сема — полярные по настроению, как день и ночь.

Солнышко Ариша и Грозовая Тучка Сема.

— Привет, ма, — сын хмурится.

Впрочем, это его привычное выражение лица.

— Это правда?

— Что именно?

— Говорят, ты устроила бои без правил.

— Мама не могла, это брехня! — заявила Ариша. — Правда, мам? Я же помню, как ты нас учила, что кулаками решать проблемы нельзя. Для этого есть язык, и надо все обсуждать. Насилие — это не способ разрешения конфликта, а зло… порождает только зло!

Я же говорю, солнышко.

— Наивное лесное дитя, — хмыкает сын. — Соня покрасовалась фотками. Ее лицо — фарш, говорит, надо делать пластику. Мам, ты налетела на нее ни с того, ни с с сего, что ли?

— Соня любит преувеличить, вечная королева драмы! — возражает Ариша.

Дети начинают спорить, а на меня накатывает ужасная апатия.

Я только сейчас понимаю, что именно произошло.

Нам с Егором — за сорок, дети выросли и упорхнули из родительского гнезда. Мы с мужем остались вдвоем и не справились. Он завел себе молоденькую любовницу, а я…

Даже говорить не хочется.

Буду брошенкой.

С того вечера целые сутки прошли, а мы так и не поговорили с мужем.

Просто потому что, он не появлялся дома.

За мной он отправил охранника, и меня отвезли домой, под надзором, будто особо опасную преступницу.

— У меня был повод, — говорю я.

Дети даже спорить перестали.

— Что?

— Я не верю, мам. Какой еще повод? Ааа… Я так и знал! Соня не зря крутилась на фирме отца, рядом с его денежками. Неужели она руку в карман запустила, да? — тараторит Ариша.

— Ты не угадала. Она запустила руку… Только не в карман, а в штаны. В штаны вашего отца, — произношу я медленно.

Тишина в ответ.

Такая гулкая, страшная…

В ушах звенит, на фоне тикают большие часы.

Они отстают на десять минут, но у меня рука не поднимается их выкинуть: эти часы дороги, как память…

Хотя Егор часто ворчал, что я люблю хранить всякий хлам, мусор, который лучше было бы выбросить на помойку.

Может быть, и меня.. меня он тоже планировал выбросить на помойку, как старый мусор?

— Мама, как так? Может быть, ты что-то напутала? — цепляется за крохотную возможность Ариша.

Я всхлипываю и с удивлением поднимаю руку, касаясь щеки: она мокрая.

Я плачу.

Да, я тоже хотела бы ошибиться, солнышко. Очень хотела бы ошибиться! А еще я хотела, чтобы Егор оттолкнул эту присоску, поставил на место — жестко и хлестко, и я бы им гордилась, так гордилась…

Но вместо этого он позволил ей поливать меня грязью и смотрел, да.

Смотрел с предвкушением, которого давно не стало в его взглядах на меня.

Я ощутила эту острую несправедливость, там, в его офисе. Поэтому отчаянно, с кулаками набросилась на девушку, считая, что он украла у меня мужа.

Но, кажется, она не при чем.

Мужа и его страсть у нас украло время, привычки и… быт.

Наверное, настало наше время, а Соня… Соня — просто стала последней каплей.

— Я ничего не перепутала. Эта шалава была без трусов, ее слова и действия никак нельзя было истолковать иначе. Я бы поверила, что там ничего нет, если бы она лежала без трусов на кресле, а твой отец был гинекологом, Ариш, но…

— Мама! — краснеет она, прижав ладони к щекам. — Какие гадкие подробности! Я же не это хотела узнать.

— А я бы послушал, — садится поудобнее Сема и шумно тянет что-то из чашки. Наверное, опять черный-черный сладкий-пресладкий чай с лимоном.

— Мама, и что дальше? Вы поругались? А папа?

За моей спиной гулко хлопает дверь и раздаются тяжелые, уверенные шаги.

Я понимаю, что пришел Егор и не могу пошевелиться.

Дочь же тараторит и тараторит, пытается меня растормошить, но я не шевелюсь.

— Мама, как же вы с папой теперь?

Егор за моей спиной. Его горячее, шумное дыхание опаляет шею.

Он наклоняется. Его лицо появляется в кадре рядом с моим.

— Ваши мама с папой теперь разводятся, — заявляет он и скидывает вызов.

Глава 3

Телефон едва устоял на подставке.

Я медленно разворачиваюсь и смотрю в лицо Егора.

— Что? — рявкает он. — Я тебя опередил на пару секунд, у тебя же на лице было написано, о чем ты хочешь им заявить, не так ли?

— Откуда… Откуда тебе было знать, какое выражение лица у меня было? Я сидела спиной.

Егор делает несколько шагов туда-обратно и разворачивается.

— А я знал. Да, знал. Я тебя за эти годы так изучил, что могу с точностью до малейшего движения предсказать твои действия. Вот, пожалуйста, ты не дождалась меня, позвонила детям. Сразу двоим! — поднимает палец вверх. — Чтобы настроить их против меня в этой ситуации. В ход пошли слезы, трагическое выражение лица. Дальше были бы слова о разводе и бурная истерика. «Нет-нет, не отговаривайте меня, я все решила!» — передразнивает мой голос. — Так?

Я смотрю на него, как на чужого человека.

Он говорит, что знал, какое выражение лица у меня будет, а я понимаю, что не знала, как зверски может выглядеть его лицо.

Вот так, как сейчас: тонкие губы презрительно кривятся, взгляд тяжелый, исподлобья. Серовато-зеленые глаза метают обжигающие молнии.

Этот мужчина мне больше не муж, а враг.

Мы по разные стороны баррикад.

Я посмела обидеть «нашу девочку» и рассказала об этом детям.

Поэтому я не вижу смысла оправдываться сейчас и говорить что-то.

— И что дальше?

Егор запускает пальцы в волосы, ероша их: всегда так делает перед тем, чтобы сказать нечто важное.

— А вот что! — взмахивает рукой куда-то в сторону.

Уходит.

Возвращается.

Бросает на стол передо мной бумаги какие-то.

— Что это?

— Ты повредила Соне руку, лицо и даже глаз. Ты, Лилия, херачила ее каблуками, как отбойным молотком!

Лилия.

Он сто лет не называл меня полным именем.

Кажется, в последний раз он так меня назвал, когда я не уследила за Семой. Уснула вместе с ним на кровати, а он скатился и набил себе шишку. Тогда Егор был очень зол, а я… просто валилась с ног от недосыпа.

— Я…

— Что я?! Ты повела себя зверски. Ты выглядела, как настоящая… колхозная хабалка! — повышает голос Егор.

— А она… Наверное, на все сто для тебя выглядела? Это то, чего ты хочешь? Чтобы перед тобой ноги на шпагат раздвигали и соблазняли?

— Пусть хоть кто-то меня соблазнить пытается!

Я смеюсь: нет, не стану говорить, что хотела его удивить!

Он этого недостоин.

— Будем считать, что мне удалось.

— Устроить мне проблемы? О да! Соня хотела писать заявление, а в больнице вызвали ментов, когда услышали наш разговор. Я едва раскидался с этим! Ты хоть понимаешь? Понимаешь, что влегкую могла бы присесть?

— Тебе было бы на руку. Жена зечка, нежная, горячая «наша девочка» рядом в утешение, да? — спрашиваю тихо.

— Что ты несешь? Я… Я в тебе разочарован!

— А я — в тебе. Ты же обещал Михаилу присмотреть за Соней, присмотреть, а не трахать ее. И давно это у вас? Вот так ноги же не сразу раздвигают, верно?

Он тяжело вздыхает:

— Ты просто отстала от жизни. Телефон, — требует он, протянув ладонь. — Пока я тут решаю, чтобы не пошло дальше, будешь без телефона.

— Что?!

— Ты под домашним арестом. Вот что. И, если к буйной мамочке приедут детки, они получат от ворот поворот.

— Ты… Ты не посмеешь! Ты…

Я вскакиваю.

Егор толкает меня ладонью обратно, пригвоздив к месту.

— Села. Рот закрыла. И будь паинькой. Иначе…

— Ааа… Хочешь, чтобы ничего не менялось? Жена-клуша — здесь, а горячая любовница — там?! Ты…

Егор накрывает рот ладонью, стиснув пальцами.

— Рот на замок. Твоя истерика была настолько отвратительной, что я увидел в тебе не женщину, нет… Теперь я вижу в тебе только скандальную, старую тетку.

С этими словами он уходит, громыхнув дверью напоследок.

— Сиди здесь, одна. Остынешь. И только посмей ослушаться!

И в мыслях не было.

Но, отобрав у меня телефон, Егор забыл о том, что у нас есть еще и домашний телефон.

Откровенно говоря, мы почти им не пользуемся, я сама забыла о нем и даже удивилась, когда на следующий день услышала трель звонка.

Сначала с удивлением застываю на месте, а потом вспоминаю: у нас есть домашний телефон.

Подхожу, снимаю трубку.

— Алло.

— Это Соня, — звучит в трубке. — Поговорим, теть Лиля? Или ты будешь отрицать очевидное? Твой муж со мной спит. Причем, давно.

— Замолчи.

— Ой, да ладно тебе! — смеется. — Ты еще заплачь.

— Кажется, я мало тебя побила.

— Нет, в самый раз. Еще чуть-чуть и был бы перебор, а сейчас — в самый раз. Достаточно для того, чтобы мой Егор проникся и понял, что женат на старой, колхозной хабалке! Такую с собой водить — только позориться.

— А тебе? Не стыдно? Мы тебя в семью приняли, почти, как родную..

— Помнишь, я говорила, что ты мне маму заменила? — хихикнула. — Так и есть. Ты намного моложе нее, но по поведению — такая же скучная, квелая тетка, которая уверена, что мужик от нее никуда не денется, что до конца жизни будет молиться на ее старую, ленивую пилотку. А жизнь… Не стоит на месте. И за свое надо бороться!

— Гадина.

— Ваше поколение безнадежно отстало. Твои морали устарели и гниют среди прочих ненужных отходов, — цинично говорит она. — Егор — мой, и только попробуй на него покуситься…

— Что ты несешь? Думаешь, раздвинула рогатку — и все?

— Ммм… А ты попробуй, — говорит она вкрадчиво. — Предложи ему меня уволить и посмотри, что будет.

Глава 4

Егор запретил мне выходить из дома.

Но я собираюсь быстро, почти молниеносно.

Оделась, переплела волосы в колосок так, чтобы пряди не выбивались.

Деньги у меня остались, вызываю такси, позвонив по телефону.

Адрес — офис Егора.

Надеюсь, он сейчас на работе.

Если нет — дождусь.

***

В приемной меня встречает Наталья Андреевна — помощница Егора. Это даже немного смешно, что муж изменил мне не с секретаршей. Измена мужа с секретаршей была бы типичной и слишком обыденной. Но он изменил мне с дочерью близких друзей, почти с членом семьи, такое оскорбление я вынести не в силах.

— Здравствуйте, Лилия. Как ваши дела? — негромко приветствует меня Наталья.

Я прикладываю палец к губам.

— Босс у себя? Хочу ему сюрприз сделать?

— Да. Как раз встреча закончилась. У него свободно, можете идти.

— Спасибо. Можешь пока кофеек попить, — говорю ей.

— Спасибо! Вы даже не представляете, как хочется. Кофе сейчас — это именно то, что нужно, а то босс…. какой-то сердитый и хмурый, злится по всяким пустякам, — вполголоса торопливо сообщает.

Ах, не в настроении большой босс?

Так нужно это исправить, то есть… окончательно испортить!

Я жду, пока Наталья покинет рабочее место, а потом стучу и решительно вхожу в кабинет.

— Я же говорил, Наташ, сейчас не надо меня беспокоить! — заявляет он резким тоном, не отрывая глаз от бумаг.

— Это не Наташа. Здравствуй, Егор!

Он отталкивает от стола, смотрит на меня сначала с удивлением, потом — мрачно и с раздражением.

— Я сказал тебе, сидеть дома. Почему ослушалась?

— Потому что я тебе не собака, которая будет послушно исполнять команды. И потому что я… — набираю полные легкие воздуха. — Я хочу, чтобы ты уволил Соню.

— Что?

— Ты хочешь развода?

— Разве я говорил, что я хочу развод.

— Ты детям сказал, что мы разводимся.

— Я озвучил им лишь то, что сказала бы ты сама! — рявкает он.

— Но мысли у тебя есть, не так ли?

— Скрывать не буду, да. Есть. И, Лиль… Я ведь не просто так попросил, чтобы ты дома посидела. Мне сейчас тошно видеть тебя, так что…

Он даже не подозревает, какую боль причиняет этими словами.

Мое сердце в груди разрывается на клочки, превращаясь в кровавое месиво.

— Не доводи до греха, Лиля.

— Уволь Соню. Это мое условие. Никакой совместной работы и никакой поддержки от нашей семьи. Пусть вернет машину, которую ты ей дал на время. Только так я… буду готова.

— К чему?

— Подумать, чтобы простить тебя.

— Ах, подумать. Даже не простить. Просто подумать о Прощении? Не многовато ли чести? — хмыкает он и спрашивает мерзким тоном. — И потом, не припомню, чтобы я просил тебя меня простить.

Это удар под дых.

Я надеялась, что он захочет сохранить брак, семью…

Если бы Егор был одним из тех мужиков, которые погуливают, но не уходят из семьи, у меня сейчас были бы шансы отстоять свое.

Но Егор всегда был сложным, непростым мужчиной.

Поэтому сейчас он не хочет идти на встречу и не молит сохранить семью.

— Тебе плевать, что ли?

— Дети выросли, живут отдельно, даже работают. В нашем большом доме остались только мы с тобой, уже не те, что раньше, да… Раньше трогательная деревенская девчонка могла растопить лед, а сейчас… наглая деревенская бабища окончательно заморозила мое сердце, — пафосно изрекает он.

— Ах ты ж, Кай недоделанный выискался. Никогда не любила сказки Андерсена. Никогда!

— Мы будем о сказках беседовать?

— Нет. Об увольнении Сони

— Которое не состоится, — заявляет муж. — Нет, и точка. Увольнять я ее не стану.

— Наверное, ценный кадр.

— Так и есть, — не отводит взгляда. — Ценный кадр. Умная, расторопная девушка. С акульей хваткой в финансах. Свежая, дерзкая кровь.

Это звучит, как укор: я всегда была бойкой, но… домашней.

Могла горой стоять за семью, за детей. Не боясь, бросалась защищать интересы двойняшек, если на них жаловались.

Но в других областях жизни я не так успешна.

Я состоялась, как мама, как хранительница очага и просто ноль в том, что касается собственной реализации.

Ни карьеры, ни бизнеса, ни даже каких-то модных курсов.

Мне просто было это неинтересно.

— Соня останется. Еще что-то хотела сказать, Лиля?

— Да. Тогда это точно — развод.

— Как скажешь. Но учти, у нас брачный договор… — разводит руками. — По которому ты уйдешь с тем, с чем пришла.

Я и забыла об этом договоре.

Смотрю, задохнувшись от возмущения.

Егор жадно вглядывается в мои глаза.

— Придется тебе оставить мой дом, машину… Какие у тебя останутся варианты? Кроме того, чтобы вернуться в дыру, из которой ты выползла?

Говорит и продолжает смотреть, глаза горят, губы напряжены, ладони лежат на столе неподвижно.

Вся поза выражает напряжение.

— Очевидно, никаких. А ты… Здесь останешься. С Соней.

— Я здесь, да. Но ненадолго. У меня проект в столице.

— Что ж… Значит, развод, — упрямо поднимаю вверх подбородок. — Верни телефон.

— Держи, — выкладывает на стол.

Я резко хватаю свой телефон и бросаю Егору в лицо:

— Я съеду до конца дня.

— Что?

— Съеду из *твоего дома*, — шиплю с ядом. — У нищей колхозницы же нет других вариантов!

— Как хочешь, — отворачивается. — У тебя только один день, чтобы забрать барахло. Другого шанса не представится. Или тебе нужна отсрочка?

— От тебя… Мне ничего не нужно. Подавись.

Глава 5

Наш развод был быстрым и беспощадным, как пожар в сухом лесу.

Одна искра — и ничего не осталось, только черное пепелище на месте былой любви и крепких, казалось, привязанностей.

Я оставила позади Егора, его большой дом, крутые машины и блестящие перспективы.

Колхозница из небольшого села вернулась в родные края на такси, вещи привезли позднее.

Меня ждал старый дом моих родителей, за которым сейчас присматривал дальний родственник. Он любил выпить, поэтому дом оказался в состоянии, хуже, чем виделось на фото.

Я с трудом выгнала выпивоху, при помощи местного участкового. Тот поглядывал на меня с интересом.

— Антохин Станислав Андреевич, можно просто Стас. Обращайтесь, когда понадобится, Лиля.

Приосанился, приложил ладонь под козырек.

Человек в этих краях — новый, а я — местная, но по прошествии стольких лет, можно сказать, тоже была чужачкой, поскольку покинула эти края еще совсем юной девчонкой.

Рано выскочила замуж за Егора.

Думала, по любви, а теперь уже не была уверена.

Может быть, он просто женился на мне по залету?

Да, скорее, так и было.

По залету женился, потому что так — правильно.

Но о брачном договоре не забыл.

А я, молодая, глупая да влюбленная, на это и внимания не обратила. Черкнула подпись, где было нужно, и с головой окунулась в заботы.

Чем больше я думала о нас с Егором, тем больше находила признаков того, что он меня никогда не любил.

Просто полжизни терпел, потому что привык отвечать за свои слова и поступки.

Это по-мужски и это было полностью в его духе, а то, что я растворилась в семье, исключительно мои проблемы.

И больше ничьи.

Впереди — много хлопот: восстановить старый дом родителей.

Но для начала выдраить его и посмотреть, с чего нужно начать, привести в порядок участок возле дома, который порос бурьяном, в человеческий рост…

Хлопот — море, и я думала, что дети мне в этом помогут.

Позвонила им с энтузиазмом.

Ариша по привычке присоединила к нашему видеочату Сему.

Но когда дети услышали мое предложение провести лето в деревне, лица двойняшек стали выглядеть почти одинаковыми — полными разочарования.

— Мам, я думала, ты нас чем-то другим обрадуешь, — осторожно говорит Ариша.

— Папа летит на Мальдивы, — прямо рубит Сема. — Нас он тоже позвал. Сорян, ма, но тут, как говорится, сама понимаешь! Жопой кверху в сорняках никто торчать не хочет…

Я могла бы остановиться.

Да, могла бы.

Сделать вид, что их слова меня ничуть не задели.

Стоило бы повести себя расчетливее и мудрее, как Егор, например, который сразу же подсуетился подсластить детям горькую пилюлю развода родителей.

Но я не смогла…

Наверное, я действительно, лишь глупая, сварливая колхозница, которая повела себя еще более глупо, вспыхнув:

— Не хотите помочь? А как овощи с грядки кушать свежие? Так первые в очереди будете.

Дети посмотрели друг на друга так, как они бы переглянулись, сидя рядом, и только потом посмотрели на меня синхронно.

— Не хочу тебя расстраивать, мам… — начинает Ариша.

— Но овощи с грядки — это уже не актуально. Мам, прилавки завалены фермерскими продуктами. Все эко, чистое. Так что ты опоздала, ма, — как всегда, прямо с плеча рубит Сема. — Кстати, ты бы тоже могла полететь с нами. Если бы захотела.

Они оставили мне небольшую лазейку, норку…

Но я отринула это.

— Но я не хочу. И не захочу. И вообще… Не приезжайте ко мне, — меня понесло. — Да, вот так. Не приезжайте. Я вас на порог не пущу! У вас теперь мамы нет, есть только папочка, трахающий двуличную мразь, которая ела и пила с моего стола, которая ластилась ко мне в руки, которая…

— Мы поняли, мам. Давай без подробностей, ок?

Даже Ариша не выдержала, поддержав брата:

— И ты уверена, вообще, что у отца с ней было?

— Счастливо слетать на Мальдивы. Главное, не подхватите лихорадку, а если вашего папашу в очередной раз пронесет от заморской еды, не звоните мне с вопросами, какой порошок ему дать.

— Как скажешь.

Они отключились, а я, оставшись одна, так разозлилась, что поколотила всю старую посуду, которая стояла в доме.

Потом убирала на кухне несколько часов…

И это лишь битая посуда.

Битая на осколки, как моя неудавшаяся жизнь.

А потом она, Соня, девочка, которую мы называли «наша девочка», с теплотой и гордостью, прислала мне фото.

Она и Егор на каком-то мероприятии.

Он приобнимает ее за талию, на ней модное платье с острым верхом. Такое платье не предполагает белья. Наверное, она произвела фурор, и волосы красиво уложены голливудскими волнами.

Фото и небольшая аудиозапись. Судя по стонам, у них был секс…

«Спасибо за то, что держала его на голодном пайке. Егор с меня вообще не слезает, имеет меня на каждом углу вашего дома…»

Меня снова начало рвать. Наверное, от голода и от неприятного запаха, который стоял в доме.

С этим надо что-то делать, немедленно.

И я, не давая себе передышки, принялась выстраивать свою новую жизнь по кирпичику.

Делала все, чтобы не останавливаться ни на миг.

Не хотела думать о бывшем, с детьми тоже не хотела общаться.

Отключила автозагрузку фото в ватсап, поэтому, когда они мне что-то присылали, я могла выбрать, загрузить это или нет.

Почти всегда выбирала — нет.

Общение свелось к простому обмену вопросами:

«Привет, как дела?»

«Все хорошо, спасибо, а как вы?»

На этом — все.

Если они предпринимали попытки рассказать мне что-то, связанное с отцом хоть как-то, я их сразу же обрывала, ссылаясь на дела.

Так наше общение постепенно сошло на нет.

Зато дом и участок преобразился, в них словно вдохнули новую жизнь..

Этого мне показалось мало, теперь улица меня не устраивала, была неухоженной, я взялась и за это с небывалом энтузиазмом, тряся местные органы власти, как бульдог.

А потом мне пришлось взять вынужденную паузу.

Здоровье подвело.

Однажды вечером у меня хлынуло, как из ведра.

Неужели месячные? Но совсем не похоже, у меня никогда так не лило.

Наверное, сказался стресс.

Или неловкое падение?

Я тем днем подвернула ногу и неудачно упала. Вдруг повредила что-то?

Боль нарастала…

Я была вынуждена вызвать скорую и поняла, что причина… была в другом.

Глава 6

Спустя пять лет

— Привет, мам. Как дела?

— Хорошо. Что-то важное, Ариш? У меня дела.

На том конце связи — выдох.

— Мам, у тебя всегда дела! Такая деловая стала, прямо не узнать.

— А что? У мамы-колхозницы дела, да. Свои, колхозные, правда, не чета вашим, но…

— Мама, прекрати! — вспылила дочь. — Ну, сколько можно уже? Пять лет прошло, а ты все куксишь, злишься! Припоминаешь нам ту проклятую весну и по поводу, и без повода. Мы тебя сто лет не видели, мам! — говорит возмущенно.

— Вот еще. На день рождения ты меня видела.

— Ты приехала утром, вручила подарок и уехала. Даже на праздник не пришла, и Сему тоже… Сто лет не видела!

— Сема как бы за границей теперь живет. Мы видимся по видеосвязи. Уж прости, но я к нему не рвану.

— Ага, у тебя же дела, хозяйство.

— Да, большое фермерское хозяйство.

Несколько лет назад я ввязалась в устройство старого дома и улицы, а потом решила вложиться в одну из ферм края. Ни с кем не советовалась, просто мне в душу запали слова сына, мол, эко, чистые продукты… И я решила, что подход может быть разным: если себя так подать, то вдруг выйдет толк.

Тогда я не боялась ни ошибиться, ни прогореть.

Самое большое разочарование в моей жизни уже случилось — я прожила в браке два с лишим десятилетия и оказалась брошена ради какой-то неблагодарной, двуличной мокрощелки, которая научилась раздвигать свою рогатку.

Что могло сравниться с этой потерей и разочарованием?

Ничто…

Поэтому я вкладывалась с легкой душой и минимумом ожиданий.

Может быть, именно поэтому у меня все выгорело?

Сначала одно хозяйство, потом — другое были выкуплены.

И теперь, спустя лет я своего рода самый крупный инвестор родного края.

— Сегодня у меня ужин с главой местной администрации. Надо подготовиться, Ариш. Поэтому говори быстро.

— Я замуж выхожу, мам. И хотела тебя познакомить со своим женихом. Мы приедем завтра.

— Постой! — я аж на ходу замираю. — Ариша, так нельзя.

— Что нельзя?! Мне уже двадцать шесть лет, мама.

— Я не про твою свадьбу. Я про то, чтобы приехать вот так… Сразу… Без подготовки, нельзя.

Я заметалась мыслями, как будто оказалась в горящем доме, а дверь уже занялась огнем.

Черт, как это не вовремя.

— Давай позднее? Через несколько дней? Или через неделю. Да, через неделю будет в самый раз… И ненадолго, Ариш. Хорошо?

Сначала звучит молчание, а потом в голосе дочери слышится разочарование:

— Я всего лишь хотела познакомить тебя с любимым, а ты меня ненавидишь. И не хочешь видеть. За что? За то, что много лет назад я выбрала полететь на отдых с отцом, а не торчать носом в твоих грядках?! Это достойно ненависти? — кричит со слезами и сбрасывает вызов.

Меня бросает в жар, потом в холод.

Не хотела я скандала и больше не обижалась на прошлое, просто приняла факт, что Егор — богаче и состоятельнее, что он может играть грязно и перетягивать на свою сторону наших детей.

Это было очевидно, и я уже переросла те обиды.

Не злилась и точно не желала зла детям.

Ни одному из них…

Перезваниваю — телефон отключен.

***

На следующий день

Пришлось задержаться. Возвращаюсь позже обыкновенного, на сердце — необычно тревожно.

Телефон стоял на беззвучном режиме, поэтому я лишь постфактум увидела три пропущенных звонка от Анны Михайловны, домработницы.

Обычно она не звонит так много, только если случилось что-то из ряда вон выходящее.

Набираю номер, чтобы перезвонить — и телефон гаснет, разрядившись. Я сразу же мчусь домой, страх холодит сердце.

Вылезаю из машины, а тревога уже колотится в горле комом.

Машину пришлось оставить не у самых ворот, а чуть дальше. Причиной стал припаркованный навороченный внедорожник премиум класса.

Большой, черный, хищного вида.

Такие машины любил Егор, мелькает в мыслях.

Спешу к калитке, на ходу доставая ключи.

— Что ты наделала?! — гремит грозный голос.

Укор прилетает мне в спину.

Я медленно разворачиваюсь: ко мне направляется Егор.

Я его пять лет вживую не видела.

Пять долгих лет!

Удалила его номер и даже наши старые фото не пересматривала.

Вычеркнула его из своей жизни, стерла без следа!

И сейчас он — здесь.

Мчит ко мне, мрачный и напряженный.

Кажется, что стал еще выше или так только чувствуется на расстоянии из-за того, что он похудел. Широкие плечи кажутся угловатыми, черты лица — более резкие, а возле рта — прорезаются скорбные складки.

Глаза горят недовольством.

— Что? Что ты здесь делаешь!

Он останавливается напротив, взмахнув руками.

— Вот он я, негодяй, подонок, мерзавец! Давай же, ненавидь меня изо всех сил! — бьет себя в грудь кулаком. — Меня! На детей перекладывать это не смей!

— Что ты несешь?!

— То и несу! — рявкает. — Ты же детей ни видеть, ни слышать не хочешь! Ты со мной развелась. Или с ними — в том числе? Ариша тебе позвонила, чтобы поделиться счастливой новостью, а ты снова — в игнор. Избегаешь семью! Она — в слезы. Угроза выкидыша.

— Что?! — ахаю, отступив назад. — Я… Я не знала, что она беременна! Она мне не говорила!

— ДА КАК ТЕБЕ СКАЖЕШЬ! Если ты на ДЕТЕЙ БОЛТ ПОЛОЖИЛА! Если не хочешь с ними общаться! — орет на меня так, что вены вздуваются на шее.

Я сжимаю телефон в руке и вдруг понимаю, что у нашей ссоры есть свидетель.

— Лилия, Лилия… — ко мне в слезах подбегает Анна Михайловна. — Беда… Беда… Ох, мое сердце! Артем…

Я буквально каменею на месте.

— Что с ним?

— П-п-пропал.

Книга завершена. Не откладывайте чтение!

Читайте продолжение прямо сейчас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.